

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ	3
КНИГА ВТОРАЯ	66
КНИГА ТРЕТЬЯ	131
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ	200
КНИГА ПЯТАЯ	270
КНИГА ШЕСТАЯ	347

КНИГА ПЕРВАЯ

Корабль вошел в гавань Кальяо и еще не успел бросить якорь, как его уже атаковала орда крикливых, назойливых лодочников. В одну минуту палубы, каюты, салоны заполнились шустрými людьми, напоминающими наших торговых агентов, которые, казалось, намеревались похватать и вынести вон всех пассажиров. Дядюшка Франсуа-Гаспар Озу (член Академии, Отделение надписей и изящной словесности), сидя на чемоданах, куда он спрятал все свои документы и вещи, необходимые для работы, отчаянно оборонялся от налетевшей на него тучи перевозчиков.

Напрасно ему твердили, что пакетбот пристанет к набережной Дарсена только через два часа; вцепившись в свои сокровища, он отнюдь не собирался с ними расставаться... Мысль о том, что эти буйные, словно демоны, носильщики могут швырнуть столь ценный багаж в свои утлые лодчонки, просто не могла прийти ему в голову. А высказал ее высокий молодой человек, явно не отли-

чавшийся природной робостью, ибо гнев раздраженного дядюшки, вспыхнувший в ответ на столь дерзкое предложение, нисколько не испугал его. Бесстрастно пожав плечами, которым позавидовал бы любой атлет, Раймон Озу решил предоставить дядюшке самому выбираться с корабля. Он же так спешил, что без всяких колебаний спрыгнул в лодку, и гребцы, повинувшись его приказу, стремительно повели суденышко к пристани.

С колотящимся сердцем Раймон смотрел, как к нему приближается берег сказочной страны Эльдорадо, мечта всей его юности, Перу Писарро¹ и инков, земля легенд и золота!.. а еще множества других сокровищ, которые ждут его, Раймона Озу, — и сердце молодого человека забилося еще сильнее...

Представший перед его взором однообразный прибрежный пейзаж нисколько не разочаровал молодого человека. Его не удручил даже вид города, вытянувшегося вдоль береговой линии, некрасивого, плоского, лежавшего почти на одном уровне с морем и не возносившего над волнами ни башен, ни колоколен, ни минаретов, которые в древних городах уже издали словно кивают путешественникам, суля им гостеприимный прием. Впрочем, и современная конструкция мола Дарсена, вполне достойная привлечь внимание молодого инженера, недавно выпущенного из Цен-

---

¹ Педро Писарро (ок. 1515 — ок. 1602) — испанский конкистадор и хронист, принимал участие в испанских завоеваниях Перу.

тральной школы искусств и мануфактур в Париже, его ничуть не заинтересовала... Похоже, мысли его были заняты чем-то совсем иным...

Прибытие претендента

По просьбе Раймона лодочник приблизительно указал ему, где находится *calle*¹ де Лима, и с этого момента молодой человек уже смотрел только в том направлении. Высадившись на берег и бросив лодочнику несколько сентаво², он довольно грубо дал отпор навязчивым гидам, переводчикам и служащим отелей, охотящимся за постояльцами, а также прочим бездельникам, которые паразитируют на туристах, и стремительным шагом направился в указанном направлении. Вскоре он прибыл на улицу Лимы, которая будто бы служила границей между старым городом и новым. Наверху, к востоку, располагался большой торговый квартал с просторными домами, широкими прямыми улицами и множеством европейских магазинов: французских, английских, немецких, итальянских, испанских. В нижней части города, среди переплетения узких колоритных улочек, стояли здания с колоннадами и верандами, практически упиравшимися друг в друга и нередко занимавшими все свободное пространство. Стараясь не столкнуться ни с ки-

---

¹ Улица (исп.). — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. пер.

² Мелкие монеты.

тайскими кули¹, тащившими на спинах тяжелые мешки, ни с праздношатающимися индейцами, Раймон нырнул в уличный лабиринт. Несколько кабаков, несколько таверн, посещаемых в основном матросами, распахнули двери навстречу прохладной тени обсаженных деревьями улочек, среди которых молодой человек, никогда не бывавший в Кальяо, тем не менее прекрасно ориентировался, лишь иногда останавливаясь и оглядываясь на перекрестках. Однако по мере приближения к цели он замедлял шаг, пока наконец не подошел к старому дому. Остановившись, он прислонился к растрескавшейся стене неподалеку от веранды, из приоткрытой двери которой доносился молодой женский голос, необычайно музыкальный и одновременно очень уверенный, обращавшийся по-испански к невидимому собеседнику:

— Как вам угодно, любезный, но по такой цене вы получите фосфорное гуано² всего с четырьмя процентами азота, не больше!..

Обсуждение внутри дома продолжалось еще несколько минут, а затем собеседники вполне вежливо распрощались; послышалось, как хлопнула дверь... Волнуясь все больше и больше, Раймон в несколь-

---

¹ Китайские кули — низкооплачиваемые рабочие (носильщики, чернорабочие, батраки) из Китая, которые в XIX — начале XX века массово использовались как дешевая рабочая сила. — *Прим. ред.*

² Гуано — птичий помет, который используется как превосходное удобрение. — *Прим. ред.*

ко шагов достиг веранды и, вытянув шею и приподнявшись на цыпочки, заглянул внутрь. Он увидел молодую женщину удивительной красоты, но с несколько строгим выражением лица, чего, впрочем, и требовало ее занятие: она переворачивала листы пухлых кассовых книг, внимательно их проглядывала и быстро что-то записывала в хорошенький блокнотик, прикрепленный золотой цепочкой к самой прелестной талии в мире. Работая, девушка то и дело хмурила брови, отчего на лбу появлялась заметная складка, а профиль и вовсе казался суровым. Не было в ней ни креольской томности, ни испанской красоты, если не считать роскошных черных волос, казавшихся прической Кармен на голове Минервы, богини мудрости: синеглазая Минерва явно отлично справлялась с обязанностями бухгалтера. Наконец она подняла голову.

— Мария-Тереза!

— Раймон!

Девушка метнулась к окну, а тяжелый зеленый гроссбух с грохотом свалился на пол. И вот уже Раймон покрывал поцелуями ее захваченные в плен руки. А она смеялась... смеялась от счастья, что наконец видит его, такого высокого, красивого, сильного, с аккуратно подстриженной светлой бородкой, делавшей его похожим на ассирийского чародея.

— Как идет торговля гуано?

— Неплохо, а как ваши дела? Мы ждали вас только завтра.

— В пути мы делали очень короткие остановки.

- А как там моя маленькая Жанна?
- О, моя сестра уже совсем взрослая и ждет второго ребенка.
- А как Париж?
- Всегда Париж. Когда мы были там в последний раз, шел дождь...
- А Сакре-Кёр?
- С тех пор как вы уехали, мы больше туда не ходили...
- Поговаривают, его собираются продать?
- Увы! Жаль, что я не настолько богат, чтобы купить его... ах, хорошо бы выкупить хотя бы тот уголок, где сидели мы с Жанной, поджидая вас!
- Погодите! Но где же ваш дядюшка, куда вы его девали?
- Он все еще на борту, не хочет расставаться со своей коллекцией! И, словно академик, открывающий Америку, усердно делает записи... Но, бог мой, где же у вас дверь?.. Где тут дверь? Я вряд ли отважусь войти к вам в контору через окно... К тому же я мешаю вашим занятиям...
- Ужасно мешаете! Тем не менее поверните за угол, первая дверь направо... однако постучитесь, прежде чем входить!

Бегом обогнув угол, он увидел справа арку, служившую воротами на просторный двор, где царило великое оживление: целая армия китайских кули и индейцев кечуа с деловым видом разгружали подводы, прибывавшие из порта и с громким скрипом въезжавшие под арку; навстречу им выез-

жали пустые подводы. Всюду стоял гомон, грохот, а в воздухе, набиваясь в горло и мешая дышать, клубилась пыль. В полном восторге молодой инженер прошептал: «А ведь это она всем командует!», и тотчас увидел ее на пороге конторы; девушка ждала его с радостной улыбкой.

Закрыв дверь конторы, она подставила ему лоб:
— Поцелуйте меня!

Он с трепетом поцеловал ее роскошные волосы. Впервые обратившись к Раймону с такой просьбой, девушка все же волновалась меньше его. А так как он продолжал стоять, безвольно опустив руки и восторженно глядя на нее, словно китайский болванчик, не в силах произнести ни слова, она снова взяла инициативу на себя:

— Так мы любим друг друга?

— О! — воскликнул молодой человек, стиснув свои крепкие, как у боксера, руки.

— Прекрасно!.. Но почему вы мне раньше об этом не сказали?

— Неужели уже поздно? — с отчаянием в голосе воскликнул несчастный Раймон.

— Нет, успокойтесь. Я только что вежливо отказала своему четвертому претенденту, дону Алонсо де Куэльяру, самому лучшему жениху Лимы. Вот так-то, дорогой Раймон. Отец в бешенстве. Кстати о моем отце... почему вы о нем не спрашиваете?

— О, простите! Да, конечно, как поживает ваш папа и малыши... Господи, я уже ничего не знаю,

все из головы вылетело! Я совершенно поглупел и могу только смотреть на вас!

— Мой дорогой папа чувствует себя превосходно. Он рад вашему приезду, но еще больше приезду вашего дядюшки, потому что вы, бедный мой Раймон, по сравнению с дядюшкой не представляете для него никакого интереса. Да, отец страшно рад оказать гостеприимство члену Академии. Вот уже целый месяц, как в своем клубе и в Географическом обществе, секретарем которого его недавно выбрали, он только и говорит, что о его приезде... О, мой папочка вечно занят! Он занимается археологией!... Он всюду велит копать землю, чтобы отыскать кости наших предков... Он так развлекается! И развлекает нас! Никогда еще он не был так весел, не выглядел таким молодым. Когда вы лучше его узнаете, вы его полюбите!..

— Но пока вы сказали, что он в бешенстве.

— Ну, у него на то есть причина! Разве в моем возрасте не пора выйти замуж? Мне скоро двадцать три!.. Да, сударь!..И четыре молодых и красивых сеньора, которых он для меня нашел, предлагают мне руку и сердце, а я благодарю их, но отказываю!.. Знаете, как меня прозвали в Лиме? Дева Солнца!

— Что это значит?

— Моя почтенная тетушка Агнесса и старая Ирен, знающие наизусть предания этой страны, все объяснят вам лучше меня. Насколько я поняла, это что-то вроде античной весталки.

— Мария-Тереза, ваш высокородный отец, маркиз Кристобаль де ла Торре, никогда не примет в зятя господина Раймона Озу.

— Не говорите глупостей! Отец сделает все, что я захочу. Предоставьте мне самой выбрать момент, когда я ему об этом скажу. И пожалуйста, друг мой, прекратите будоражить ваше воображение. Никаких скандалов не будет; ручаюсь, через три месяца мы совершенно прозаически обвенчаемся в церкви Святого Доминика.

— Но у меня нет ни гроша!..

— У вас железное здоровье, мы любим друг друга, а я бросаю к вашим ногам все Перу!.. Вы же знаете, здесь есть чем заняться инженеру!.. Собственно, я уже интересовалась вашей возможной будущей работой. Мы вместе поедem в Куско...

— Мария-Тереза!.. Мария-Тереза, как я вас люблю и как я счастлив, что могу говорить вам о своей любви!.. Почему мы не признались друг другу тогда, в Париже?

— Потому что мы не знали... живем рядом, видимся почти каждый день... считали, что мы друзья, но неожиданно пришлось расстаться... и тогда, оказавшись вдалеке друг от друга, мы стали понимать, что любим...

— О, я знал это раньше, Мария-Тереза!

— Да, но первой об этом сказала вам я!

Взявшись за руки, они несколько минут стояли молча...

Внезапно со двора донесся шум, дверь распахнулась, и в комнату вбежал перепуганный служащий. Заметив незнакомца, он остановился и замер. Мария-Тереза велела ему говорить. Раймон не только понимал испанский, но и прекрасно говорил на этом языке, а потому сразу понял, что случилось большое несчастье.

— С островов прибыли индейцы. Там между ними и китайцами произошло столкновение. Один кули убит, трое тяжело ранены.

Не выдавая своего волнения, Мария-Тереза сухим повелительным тоном спросила:

— Где это произошло? На северных островах?

— Нет, на островах Чинча.

— Разве с ними не было Гуаскара?

— Гуаскар там был! Он и вернулся с ними. Он здесь...

— Пусть войдет!

На сцену выходит индеец Гуаскар

Служащий вышел, и через миг в контору вошел весьма представительный индеец. Хоть Мария-Тереза умела сохранять видимость спокойствия, но индеец казался еще более бесстрастным. Девушка снова села за конторку. Индеец спокойно подошел к ней и изящным движением руки снял огромную соломенную шляпу. Он был уроженцем провинции Трухильо — в том краю индейцы самые красивые, самые высокие и самые сильные, и все считают се-

бя потомками самого Манко Капака, основателя государства инков. Его блестящие черные волосы падали на плечи, обрамляя чеканный профиль цвета красной меди. Однако взгляд его, направленный на Марию-Терезу, отличался странной нежностью, что очень не понравилось Раймону. Индеец был одет в особый плащ ярких цветов, называемый пончо. За поясом у него виднелись ножны и, судя по торчащей из них рукоятке, отнюдь не пустые.

— Расскажи мне, как все произошло, — строго сказала Мария-Тереза, не ответив на его приветствие.

Каким бы хладнокровным ни был индеец, его явно покорило подобный прием, да еще в присутствии чужестранца, и он начал рассказ на языке кечуа. Но девушка тотчас попросила его говорить по-испански, добавив ледяным тоном, что в приличном обществе в присутствии третьего человека никогда не говорят на языке, которого тот не понимает. Выслушав этот упрек, индеец нахмурился и бросил на Раймона надменный взгляд, исполненный презрения.

— Я жду! — повторила Мария-Тереза. — Твои индейцы убили нанятого мною китайца.

— Позорный сын Запада рассмеялся, когда наши индейцы зажгли *cohetes*¹ в честь новой луны.

— Я плачу твоим индейцам не за то, чтобы они проводили время, пуская шутихи!

— Это был благородный праздник первой четверти луны.

---

¹ Фейерверки (*исп.*)

— Да, конечно, четверти... а потом половины, потом полнолуния, потом солнца, звезд! И все католические праздники в придачу! Твои индейцы только и делают, что празднуют. Я терпела этих лентяев и пьяниц только потому, что они твои друзья, но теперь, когда они убивают у меня самых полезных слуг, что мне прикажешь делать?

— Позорные сыны Запада не слуги тебе! Они тебя не любят.

— Они работают.

— За гроши!.. У них совершенно нет чувства собственного достоинства! Это собачьи дети!

— Они мне служат, а твоих людей я держу только из жалости.

— Из жалости!

Индеец повторил последнее слово так, словно выплюнул его на пол. Взмахнув крылом пончо, он поднял руку и грозно потряс кулаком над головой, а затем, снова бессильно уронив ее, направился к выходу. Прежде чем открыть дверь, он остановился, обернулся и, обращаясь к Марии-Терезе, быстро произнес несколько фраз на кечуа. Пока он говорил, глаза его горели так, словно хотели испепелить девушку. Наконец, отбросив на плечи крылья пончо, он вышел.

Девушка по-прежнему машинально вертела в руках карандаш.

— Скатертью дорога!.. — наконец произнесла она.

— Что он вам сказал?

— Что он уходит и я его больше не увижу.

— У него был такой грозный вид!

— Он умеет изображать гнев. Это меня раздражает. Он предан нам. Он мне сказал, что сделал все, что смог, чтобы предотвратить несчастье. Но его приятели индейцы совершенно неуправляемы! Ох уж эти индейцы!.. Какое самомнение!.. Какая гордыня!.. Но с этим ничего не поделаешь, теперь я буду нанимать только китайцев...

— Будьте осторожны, они могут навредить вам!

— А что, по-вашему, мне делать? Я держала индейцев Гуаскара, хотя прекрасно знала, что не могу рассчитывать на их работу... но оставляла их там на всякий случай. А они, видите ли, убивают моих кули! Так что теперь пусть убираются ко всем чертям.

— А Гуаскар?

— Пусть делает что хочет. Он вырос у нас в доме. И обожал мою мать.

— Ему, наверное, будет трудно уйти?

— Да.

— И вы не попытались удержать его?

— Нет!.. Но мы совсем забыли о вашем дядюшке!

Она позвонила.

— Автомобиль! — приказала она слуге. — А как там... индейцы?

— Они только что ушли вместе с Гуаскаром.

— Все?

— Все!

— Без шума? Без скандала?

— Не сказав ни слова!

— Они зашли в кассу?

— Нет! Гуаскар им запретил!
— А где кули с островов?
— Здесь их не видели...
— Но как же раненые? Погибший? Что с ними сделали?

— Китайцы уже унесли их к себе в квартал.
— Удивительный народ!.. Автомобиль, живо!

Надев кокетливую шляпку-ток и торопливо натянув перчатки, она вышла из конторы и села за руль.

Молодые люди быстро спустились к молу Дарсена. Раймон с восторгом наблюдал, как, уверенно держа курс, Мария-Тереза ловко объезжает препятствия; в квартале, полном неожиданностей, ее маневры отличались незаурядной четкостью. Мальчишка-бой в ливрее, скорчившись на подножке, похоже, нисколько не боялся оказаться размазанным по стене одного из домов, практически вплотную к которым проезжало авто.

— Здесь, в Перу, вам, наверное, приходится много ездить на автомобиле?

— Что вы, совсем нет!.. У нас нет дорог. Автомобиль служит мне в ежедневных поездках из Кальяо в Лиму, куда я, разумеется, возвращаюсь каждый вечер. А еще — в небольших прогулках к морю, к модным курортным станциям в Анконе или Корилье. Однако погодите-ка, дорогой Раймон!..

Она мягко затормозила и, взмахнув рукой, изящно поприветствовала маленькую кукольную головку, совершенно розовую и в мелких кудряшках, которая с улыбкой смотрела на нее из окна